

ХАОС – МОНОПОЛИЯ – ПЛАТФОРМА

Время, неопределённость и планирование

Не отрицая права личности и юридического лица планировать, рыночный фундаментализм отрицает аналогичное право – право планировать, право управлять своим будущим – у государства. Хотя что такое планирование? **Планирование есть не что иное, как принятие решений в настоящем на основе сегодняшних представлений о будущем.** Эти представления неизбежно содержат ошибки, так как будущее не детерминировано и не определяется одними лишь статистическими трендами. В нём содержится элемент непредсказуемой неопределённости, который может свести на нет любые предпроектные или предплановые проработки.

Факт саморазрушения плановой советской системы не означает, что она была неэффективна изначально. Советская система была построена как *одноразовая империя*⁵¹, в ней не существовало механизма амортизации и модернизации, она вела себя как классическая капиталистическая монополия, прошедшая все стадии развития, – от бурного экспоненциального роста к застою и банкротству. Потерпел крах не социализм, а капиталистическая монополия, в которую превратилась одна отдельно взятая страна.

В 1930-х годах, когда по обе стороны Атлантики создавались системы централизованного планирования, идея всеобъемлющего экономического контроля носилась в воздухе. Мир еще находился во власти ньютоновских представлений о детерминированности будущего. Не только В. Молотов и Л. Каганович, но и Генри Форд грезил «абсолютно самодостаточной промышленной империей... он создал первую в мире многоуровневую вертикально интегрированную компанию». Но в дальнейшем, в результате конкурентной борьбы, Форд вынес урок – ни одна фирма, какой бы огромной она ни была, не может быть само-

51 – Лавровский И. Перенастройка: Россия против Америки. М.: Олимп, Питер, 2009.

достаточной⁵². Советское руководство такого урока из своего противоречивого опыта не вынесло. Советское планирование до самого своего конца оставалось внутрифирменным: вся экономика представляла собой огромное предприятие с Советом директоров в лице ЦК КПСС и Правлением в лице его Политбюро.

Анализируя структуру советской экономики в 1980-х годах, мы пришли к выводу, что «единство прав и обязанностей по отношению к обществу, единство экономической воли не может не рассматриваться как неотъемлемый признак предприятия. В советской экономической литературе права предприятия традиционно сводятся к управлению производственными процессами, а ответственность – к выполнению плановых заданий. Однако увеличение хозяйственной самостоятельности предприятий предполагает расширение их прав и обязанностей. Было бы полезно оценить, существует ли, а если – да, то что является высшей формой реализации данного процесса. По нашему мнению, основной тенденцией развития хозяйственной самостоятельности является превращение социалистического предприятия в хозяйственную организацию, которая несет ответственность за результаты своей деятельности в прошлом, обладает правом распоряжаться своими экономическими ресурсами и распределять их между настоящими и будущими потребностями, т.е. располагает **свободой планирования**»⁵³.

Но приобретение предприятием *свободы планирования* не означает необходимости или возможности отказа от *национального планирования*. Планирующий агент, будь то индивидуум или частное предприятие, основывает свои сегодняшние решения на своём представлении о будущем, которое у него сформировалось по тем или иным причинам. Ресурсов для воздействия на окружающую его экономическую среду у него, как правило, недостаточно. Единственным доступным и рациональным способом страхования риска, возникающего из неопределённости собственного экономического будущего, является *накопление резервов*. Отказ от национального планирования порождает необходимость компенсации неопределённости созданием дорогостоящих статических резервов на уровне предприятий. Неопределённость будущего превращается в экономическое *обременение*.

52 – Бауэрсокс Д., Клосс Д. Логистика. М.: Олимп-бизнес, 2008. С. 99.

53 – Лавровский И. К новой концепции предприятия // Проблемы теории и практики управления. 1988. №4.

Степень контроля над хаотической экономической средой возрастает с ростом размеров предприятия относительно того рынка, на котором оно работает. Таким образом, относительная величина резервов, необходимых для компенсации неопределенности, снижается по мере роста предприятия. Вместе с экономией на масштабах производства это становится конкурентным преимуществом крупных предприятий по сравнению с мелкими. Отсюда вытекает, что свободный рынок является абстракцией, практически бесполезной для описания реальных экономических процессов⁵⁴.

Рост предприятий по сравнению с ёмкостью рынка даёт им конкурентные преимущества, разрушающие свободную конкуренцию. Немгновенность реакции на изменения окружающей среды, неопределённость будущего и ошибки в его интерпретации убивают абстрактную идиллию свободного рынка. Для современных рынков характерна регулируемая государством олигополия, а не свободная конкуренция.

Важно отметить, что сохранение олигопольной конкуренции обеспечивает экономике достаточный уровень адаптации к будущему, которого лишены монополии. **Качественный переход от монополии к конкуренции происходит при возникновении на каждом рынке по крайней мере двух конкурирующих организаций, двух планирующих агентов.**

Дальнейшее увеличение количества конкурирующих агентов к качественным сдвигам в характере развития данного конкретного рынка не приводит. Для обеспечения немонопольного развития компьютерных операционных систем, например, достаточно появления системы «Линукс» рядом с лидером отрасли «Майкрософт». Для развития мировой авиационной промышленности достаточно существования корпорации «Аэробус» наряду с «Боингом» и т.д. Для мировой же экономики в целом **необходимо выживание хотя бы одного альтернативного центра планирования** помимо американского [*китайского?*].

Обобществление и централизация общественного капитала приводят к усреднению рисков и снижению ожидаемого уровня риска для каждого из планирующих агентов. Развитие у государства функции планирования снижает экономический риск еще сильнее, пос-

54 – Пол Самуэлсон и Вильям Нордхауз прямо признают, что в истории человечества никогда не было 100%-ной рыночной экономики. Самуэлсон П., Нордхауз В. Экономика. М.: Вильямс, 2009. С. 52.

кольку, помимо риска чисто экономического, государство снижает риск политический.

Г.Б. Клейнер указывает, что «поскольку на предприятии работают люди – социальные агенты, осуществляющие не только производственные действия... предприятие может рассматриваться и как часть социальной сферы»⁵⁵. Добавим, что не «может рассматриваться», а не может не рассматриваться... Понятно, что компании погружены в социальную среду, параметрами которой являются жизненные ожидания населения, его потребительские предпочтения, представления о вредности и полезности потребляемой продукции, политические пристрастия, образовательный уровень и т.д. Влиять на эти важнейшие параметры не может отдельное предприятие, но может государство. Иногда для достижения социальных целей государство идёт на уничтожение преуспевающих отраслей (смотри, например, борьбу США с курением!). Поэтому если государство отказывается от выполнения своей планирующей функции, то общий уровень неопределённости в экономике возрастает, растёт политический, технический, экологический и в конечном счёте коммерческий и инвестиционный риск. В результате страны с дефицитом планирования становятся финансовыми донорами стран с эффективно планируемой экономикой.

Проблема оттока капитала из развивающихся, то есть недосоциалистических, экономик не только и не столько в «неблагоприятности институциональных режимов»⁵⁶, как модно сейчас считать, сколько в оценке планирующими агентами, включая отдельных индивидов, уровня риска в той или иной стране. Можно организовать самый «благоприятный» для иностранных корпораций институциональный режим, но они тем не менее будут предпочитать более упорядоченный и лучше планируемый экономический режим своих собственных стран базирования. В октябре 2008 года, в самый разгар мирового финансового кризиса, чистый приток капитала в экономику США составил более 286 миллиардов долларов. В сентябре приток составлял 142,6 миллиарда долларов, в августе – 17,1 миллиарда долларов, в то время как в июле ещё сохранился отток в 25 милли-

55 – Г.Б. Клейнер. Стратегия предприятия. М.: Дело, 2008. С. 61–62.

56 – В эпоху глобализации активно формируется «рынок институциональных режимов» (правовых норм) – что связано с повышением мобильности капитала и, соответственно, с возможностью выбора корпорациями конкретного правового режима. «Российское экономическое чудо: сделаем сами». М.: Деловая литература, 2007. С. 15.

ардов долларов⁵⁷. Объяснить этот факт преимуществами американского «рынка институциональных режимов» невозможно. Зато легко можно объяснить мощью американской системы государственного планирования.

Неожиданным критиком рыночного фундаментализма оказался один из его адептов – Джордж Сорос. Он пишет: «Рыночный фундаментализм берёт корни в теории совершенной конкуренции, первоначально предложенной Адамом Смитом и развитой классическими экономистами. В послевоенный период он получил мощную поддержку в результате неудач коммунизма, социализма и других форм государственного вмешательства. Эти стимулы, однако, базируются на ложных предпосылках. Факт, что государственное вмешательство всегда неудачно, не делает рынок совершенным... Финансовые рынки... будучи предоставлены сами себе... ведут к экстремальной эйфории и такому же экстремальному разочарованию»⁵⁸.

Война и экономическое развитие

К концу XVIII века европейские колониальные державы раскинули свои владения на весь мир. Стремясь к богатству и укреплению власти, земные правители от фараонов до европейских монархов, может быть и неосознанно, старались увеличить абсолютные размеры доступных им факторов производства – то есть стремились к захвату новых рабов и подданных и к географическому расширению. Географическая экспансия продолжалась до тех пор, пока вся территория планеты за исключением нескольких малодоступных зон не оказалась распределенной между отдельными державами. После этого дальнейший экстенсивный рост, основанный на захвате людей и территорий, оказался невозможен. Наступила двухсотлетняя эпоха великих войн за колониальное наследство, закончившаяся всего двадцать лет назад.

Либеральная политэкономия предпочитает закрывать свои политкорректные очи на истинные причины возникновения капитализма и индустриальной революции, объясняя расцвет промышленности в

57 – Treasury International Capital Data, October 2008.

58 – Soros G. The New Paradigm for Financial Markets. NY, Public Affairs, 2008. P. 92.

XIX, а затем в XX веке действием свободной предпринимательской инициативы. Однако главную роль в становлении капиталистической экономики сыграли колониальные государства. Буржуа стали всего лишь побочным продуктом строительства броненосцев колониальными державами. Хрестоматийной фигурой тех времён является американец Роберт Фултон – изобретатель парохода. Уже в 1814 году Фултон закладывает первый 44-пушечный военный корабль. Он упорно предлагал свои услуги Наполеону, обещая построить подводный и надводный флот для захвата Англии и английских владений.

С тех пор *ружье* всегда с нами. За спиной гражданской экономики всегда маячит темная тень экономики военной. Свободный рынок с его недорогими игрушками – для народа, серьезная многомиллиардная плановая продукция – для генералов.

Великая депрессия началась в 1929 году, через 15 лет после начала I мировой войны. Но признаки перегрева мировой экономики присутствовали ещё в 1913-м – последнем предвоенном году, когда император Николай II праздновал трёхсотлетие Дома Романовых. Рынки задыхались от избытка товаров. Продавцов было больше, чем рынков. Но мирового рынка как такового тогда ещё не существовало: были державы и их монопольные пастбища – колониальные империи. Сегодня трудно представить их масштабы – достаточно сказать, что Лондон командовал четвертью человечества. Британская империя была тогда в полтора раза обширней, чем огромная Российская. Французская республика [*с колониями*] могла бы своей площадью накрыть США. 70 процентов Азии (без России) и 90 процентов Африки находились в колониальном владении.

Каждая империя ревниво пасла стада своих подданных, не допуская покушений на свои рынки. За скобками этого уравнения оставались растущие «тигры» – Германия, Япония, Италия – видимая верхушка айсберга. Под водой были скрыты интересы ещё одного «тигра» – самого крупного. Штатам ещё больше, чем Германии, был нужен доступ растущего вала промышленной продукции на ёмкие рынки сбыта. Но США не участвовали в колониальном разделе тогдашнего мира. Знаменитая доктрина Монро определила американскую политику на полтора века вперёд: Америка не заводит колоний, но и не даёт никого колонизировать в пределах своей сферы влияния. А в пределах сферы контроль осуществляется не столько солдатами, сколько долларами. Но броненосцы и авианосцы оказывают доллару критическую «тыловую поддержку».

Европейские колониальные империи мешали новой мастерской мира развиваться до тех пор, пока не начали воевать между собой. Две европейские войны привели Америку к мировому экономическому господству.

Уже I мировая война озолотила Штаты. За военные поставки европейские державы расплачивались чистоганом: золото тогда было единственной универсально приемлемой валютой.

Но первая война не решила американских проблем – после неё для неколониальных держав рынки оставались такими же закрытыми. Поэтому Великая депрессия была предопределена. Раздувшись от военных доходов и не имея адекватных рынков сбыта, американская экономика в одночасье схлопнулась, послав при этом в нокадаун всю мировую торговлю.

Сейчас об этом на Западе не любят вспоминать, но в межвоенный период Америка вооружала всех. Форд, например, помогал строить автозаводы не только Сталину, но помогал и Гитлеру – поставками сырья и оборудования для германской промышленности. Вплоть до начала войны он поставлял Германии военную технику и даже получил от нацистов в награду «Большой крест Немецкого Орла». И во время войны корпорация Форда считала Гитлера своим надёжным деловым партнером, превратив свои предприятия в Германии в военные заводы, которые выпускали даже авиадвигатели для люфтваффе.

Если жертвами I мировой войны стали четыре империи⁵⁹, то жертвами Второй мировой стали две, но какие! От огромных Великобритании и Франции остались лишь их доколониальные исторические территории. А европейский (как и большей частью советский) золотой запас уплыл в США, что позволило Вашингтону сначала превратить доллар в международную резервную валюту, а затем – в универсальный талон на приобретение благ, не привязанный к золоту, а только лишь к булату – к большим авианосцам, которые гарантируют всемирную ценность бумажных портретов американских президентов.

Классическая политэкономия не изобрела капитализм и социализм, а только создала наклейки, лейблы для обозначения экономических явлений, которые бурно развивались в XIX веке. Распространение личной экономической свободы позволило частным лицам широко использовать технологию, созданную государствами для своих нужд – от пороха

59 – Российская, Австро-Венгерская, Османская и Германская.

у поселенцев на Диком Западе до паровых машин, которые изначально создавались для приведения в действие боевых кораблей. Одновременно произошла первая информационная революция: печатные средства массовой информации породили новый феномен массовой грамотности. В результате читающие массы приобрели идеологию и стали фактором политической власти.

Господствующая западная идеология использует не менее примитивные клише, чем бывшая советская. Расцвет капитализма в Европе XIX века объясняется торжеством частной инициативы. При этом игнорируется роль в экономическом росте Европы полученных силой оружия потоков золота из испанских колоний в Америке и доступа (в том числе и в форме простого грабежа) к традиционным восточным рынкам – Китаю и Индии, которые были бы невозможны без колоссальных государственных усилий («опиумные войны», дипломатия канонерок) и разветвлённой бюрократии.

В западной политэкономии считается, что свободное предпринимательство за счет своей предприимчивости преодолевает все кризисы. Государство есть aberrация, тень облака на лесу свободных деревьев. Свободный рынок сам знает куда идти и всегда найдет дорогу, даже если нет никакой дороги и нет цели движения. Однако исторический опыт показывает, что уже начиная с XIX века неявно, а со второй четверти XX века явно цель движения частного капитала создаётся уже не самим этим капиталом, а государством, которое превращается в главного заказчика и инвестора на свободном или не очень свободном рынке. Одновременно возникает новый электоральный класс, порождённый растущими доходами, милитаризацией и распространением образования, который требует перераспределения национального продукта в свою пользу – происходит социальная революция. Готовится почва для возникновения новой экономической формации, основанной уже не на капитале, а на технологии.

Маркс полагал, что капитализм придет ко всеобщему кризису, который заставит общество подчинить интересы накопления капитала своим неэкономическим целям. Государству придется заняться планированием и глубоко влезть в экономику. В результате производительные силы достигнут небывалого развития, и люди смогут получать сколько они хотят и работать в свое удовольствие. Он утверждал, что социализм сначала победит в наиболее развитых странах капитала. Что, собственно, и произошло в действительности.

Если предположить, что после максимального расширения колониальных держав в XVIII веке не возрос бы вклад новых факторов производства помимо труда и земли, то можно было бы ожидать постепенной остановки экономического роста и, соответственно, стабилизации численности населения мира. Однако этого не произошло, и численность населения и производительность экономик выросли за прошедшие три столетия на порядок. Это можно объяснить активизацией двух новых факторов производства – капитала и технологии. Без милитаризации экономик ни того, ни другого произойти бы не могло. Сначала броненосцы и танки, а затем авиация, бомбы и ракеты помогли человечеству въехать в «бравый новый мир»⁶⁰.

Рост значения капитала сопровождался изменением социальной структуры общества: владельцы промышленных и торговых капиталов разбавляют собой ряды старой земледельческой и государственной аристократии. Вместо необразованного крестьянина новому строю нужен стандартно образованный пролетарий, способный управляться с вновь создаваемыми машинами. Одновременно усиливается экономическая роль государства и роль государственного планирования.

Победа социализма трактовалась марксистами как вхождение в землю обетованную, где нет ни войн, ни насилия. Но это противоречит экономическим и политическим фактам. Социализм, то есть переход экономической власти от капиталистов к государственной бюрократии, которая, в свою очередь, обеспечила переход от Капитала как основного фактора производства к Технологии, неразрывно связан с милитаризацией. Выше была показана роль государственных расходов и государственных программ в стимулировании экономик Древнего мира. К новому времени крупнейшими государственными программами становятся программы военные. Причем подсев однажды на военный допинг, современные экономики слезть с него уже не могут. Демилитаризация, последовавшая за I мировой войной, привела ко всемирному кризису и к новой милитаризации. После II мировой войны никакой демилитаризации уже не последовало. А после III «холодной» военные расходы США достигли астрономических величин.

Государственное планирование экономики требует централизации принятия решений. В советской системе – в Госплане и Политбюро, в

60 – Brave New World – знаменитая антиутопия Олдоса Хаксли.

Германии – в Имперском министерстве экономики и Рейхсканцелярии, в США – в Федеральной резервной системе и Белом доме. Возникают особые центры планирования. Но, в отличие от раннего «классического» капитализма, когда воля отдельных капиталистов уравнивается рынком и государством, национальные модели (и центры) планирования антагонистичны. Чтобы планирование было эффективным, не может быть двух центров планирования. В этом смысле мировое экономическое развитие прямо ведет мир к монополярности.

Великий кризис 1929 года породил не одну, а целых три отчаянно конкурировавшие модели государственного планирования – германскую, советскую и американскую. Факт ожесточенного противоборства между ними только доказывает их однотипность. Не могут тотально конкурировать системы, находящиеся на разных стадиях общественного развития. Европейские феодальные империи легко расправились с рабовладельческими цивилизациями Америки и Африки. Достигнув стадии капитализма, они рискнули на захват феодальных империй Индии и Китая. Но тотальная война возможна только между равными – Рим и Карфаген, Англия и Испания, Наполеон и Веллингтон, Сталин и Гитлер, Хрущёв и Кеннеди.

Воины Апокалипсиса и социальное государство

Итак, в конце XVIII – начале XIX века начался период конкуренции колониальных иерархий и, соответственно, перераспределения владений между колониальными империями. Период, закончившийся всего два десятилетия назад со вторым распадом бывшей Российской империи (СССР) и остатков Австро-Венгрии (Югославии и Чехословакии). В результате осталась единственная глобальная иерархия политического и экономического целеполагания, одна глобальная иерархия политического, экономического и военного контроля. США сегодня практически не зависят от многосторонних систем принятия решений, используя их исключительно для навязывания другим странам уже принятых ими в одностороннем порядке решений.

Двухвековой период конкуренции постфеодальных колониальных иерархий за глобальное доминирование был тождественен «капитализму». Физическое отсутствие нового пространства для географического

расширения вызвало гонку вооружений в подготовке территориального передела и беспрецедентное капиталонакопление, разрешившиеся в XX веке тремя мировыми войнами – двумя «горячими» и одной «холодной». Невозможность расти «вширь» вызвала рост «вглубь»: империи стали накапливать не столько земли, сколько капитал.

Российскую историю невозможно понять в отрыве от мировой истории, вне контекста конкуренции колониальных держав. До 1917 года не существовало идеологических и политических отличий России от её окружения. Единственной страной победившего прикладного вольтерьянства, отличавшейся от тогдашнего евростандарта, были САСШ – Северо-Американские Соединённые Штаты, как их тогда называли. А Россия была такой же колониальной постфеодальной державой, как и её конкуренты – Британская, Французская, Австро-Венгерская и Османская империи.

В свою очередь, Российская, Османская и Австро-Венгерская империи существенно отличались от классических колониальных «морских» империй Англии, Франции и Испании. В России, как и в двух других полиэтничных империях, не было этнически однородного имперского ядра. Был двор надэтнического монарха и были его полиэтничные вассалы. У России практически не было колоний в классическом смысле этого слова, кроме потерянных во второй половине XIX века американских владений и спорных интересов в Китае. Российские вассалы сильно отличались друг от друга по уровню экономического развития. Финляндия и Бухарское ханство находились на разных витках исторического развития, но и то и другое образование было вассалом русского царя, ближайшими родственниками которого были английские и немецкие монархи. Подобная ситуация сохранилась и после реставрации империи коммунистами. Многие видят парадокс в существовании богатых «колоний» у Российской империи и СССР⁶¹. Но такая ситуация не редкость в феодальных империях. Наличие богатых вассалов – не исключительная особенность России. Таковыми были Фландрия в Испанской империи, Прованс во Франции, Чехия в Австро-Венгрии. Феодальная империя присоединяет не колонии, а вассалов. В этом смысле Украину или Грузию правильно сравнивать не с классическими колониями Родезией или Австралией, а с Шотландией и Уэльсом внутри Британской империи.

61 – И. Селеньи отмечает: «Советская империя, метрополия была беднее собственных колоний» (Русские чтения. Выпуск 3, 2006. С. 100).

Роль России в зарождении и формировании конфликта, приведшего к I мировой войне и первому распаду Российской империи, невозможно переоценить. Именно Россия инициировала самое крупное перераспределение европейских территорий XIX века после Наполеоновских войн.

Почему Россия схлестнулась в XX веке именно с Германией, а не, например, с Францией или Англией, с которыми воевала в Крымской войне? Причина, на наш взгляд, в начавшемся во второй половине XIX века поиске новой идентичности России, в попытках модернизировать феодальную лояльность дому Романовых в национальное самосознание. Интенсивное славянофильское мифотворчество вокруг идеи Третьего Рима закономерно привело Россию на Балканы, где «братья-славяне» «томились под игом» Османской империи. Еще один многочисленный отряд «братьев-славян» «томился», в соответствии с результатами нескольких разделов Польши, не только под игом этнически правильного православного царя, но и под игом национально чуждых германского императора и императора Австро-Венгрии. Если учесть, что Османская империя имела обширные связи с Германией и Австро-Венгрией, политическая панорама, предшествовавшая I мировой войне, приобретает классическую законченность. Попытка национальной самоидентификации на этнославянской почве прямо привела Россию к конфликту с Османской империей, Австро-Венгрией и Германией, на территории которых проживали миллионы славян, которых русский царь и пытавшийся обрусеть российский политический класс вознамерились «освободить». Балканские войны стали прямым прологом I мировой войны, похоронившей российскую монархию, а вместе с ней Османскую, Австро-Венгерскую и Германскую. Не с сараевского выстрела Гаврилы Принципа всё это началось. И Россия была не «безвинной жертвой», а в доску своей в безумном мире колониальной политики, одним из главных инициаторов первой всеевропейской бойни.

Политические тренды, предшествовавшие I мировой войне, продолжились и по её окончании.

Большевики, вне зависимости от фракционной ориентации, продолжили царскую политику в Восточной Европе, Средней Азии и на Кавказе, восстановив империю почти в тех же пределах, что и при Романовых. Попытки привести сначала Польшу, а затем Финляндию обратно под сень царственной десницы провалились, но не были оставлены. А в 1945 году бывшая Российская империя достигла исторического пика

своего политического могущества, продолжая свою имперскую экспансию вплоть до афганской авантюры 1979 года.

Революционная Германия, в свою очередь, оказалась весьма восприимчивой к типично колониальной идее жизненного пространства и с увлечением занялась разделом австрийского наследства. Второй акт битвы за Восточную Европу [по сути – *за владычество над славянами*] был неизбежен. Разразилась II мировая война, результатом которой стало выбывание европейских держав из числа претендентов на мировое господство. Судьбу Европы принялись решать евроазиатский СССР и Североамериканские Штаты. Европа оказалась между двух огней, и тут-то и произошло на европейские земли долгожданное экономическое процветание.

Почему мировая социальная революция, выразившаяся в том числе в беспрецедентном подъёме уровня жизни населения так называемых развитых стран, произошла именно в XX веке? Потому что, готовясь к переделу мира, колониальные державы вынужденно создали массовое общество грамотных людей, способных производить оружие, применять его и... – внимать государственной пропаганде.

Государственная власть становится в XIX–XX веках тотальной. Для раннего феодализма характерным было существование сравнительно изолированного двора монарха, немногочисленной профессиональной армии и в массе своей самодостаточного и выключенного из политики населения. В поздних колониальных империях появляется всепроникающая государственная система, определяющая жизнь подданных от рождения до смерти: от государственной системы массовых прививок новорожденных до пенсионного обеспечения стариков и инвалидов – обеспечения сначала, что неудивительно, отставных ветеранов, но затем постепенно и всех граждан метрополии.

Армия становится массовой. Чтобы обеспечить лояльность этой армии новых воинов грядущего Апокалипсиса, параллельно создаётся аппарат массовой пропаганды. Пропаганда нуждается в «точке привязки» индивидуальной идентичности – и в результате бурно растёт национализм. Бисмарк подчёркивал роль массового образования, массовой промывки мозгов в грядущей схватке гигантов. Школьный учитель, по его мнению, становится не менее важен, чем ружьё.

Но тотальная грамотность рождает нового политического субъекта государственной власти, подготавливая тем самым будущий сдвиг в сторону представительной демократии. «Человек с ружьём» становится самостоятельным политическим персонажем – воином будущей демок-

ратии. Громадные возможности этого нового политического персонажа были проявлены во всей красе в ходе русской революции и последовавшей гражданской войны. Русская революция показала всему миру, в том числе и постреволюционным советским лидерам, что происходит, когда массовая милитаризация обращается против самой государственной машины. Именно с тех пор убогость народных масс становится одним из столпов государственной политики всех без исключения развитых стран – как бывших колониальных империй, так и новых претендентов на глобальное доминирование.

Этот процесс резко ускорился после II мировой войны, когда каждая из двух оставшихся сверхдержав значительную часть своего собственного национального продукта и политической энергии направляла на создание «витрин народного благосостояния» на границах своих зон влияния, тем самым покупая лояльность их населения. Именно этот период стал золотым веком «социального рыночного государства», «рыночного социализма», «развитого социализма» и т.п. Столь восхваляемое сегодня социальное государство – побочный продукт противостояния двух сверхдержав и массовой милитаризации. И не удивительно, что окончание «холодной войны» немедленно поставило под вопрос сохранение уже достигнутого уровня социальных благ. В богатейшей стране мира, США, нынешнее молодое поколение – первое в истории страны, которое относительно беднее своих родителей. В Европе почти повсеместно стоит вопрос повышения пенсионного возраста. В страны бывшего СССР вновь вернулся уровень эксплуатации труда, характерный для эпохи «неорганизованного» капитализма.

Почему же именно СССР вышел из III мировой войны развалившись, а Америка достигла беспрецедентного влияния в мире? Было ли неизбежным возникновение однополярного *Pax Americana*? Не вдаваясь в сложные теории, можно дать простой ответ: Америка всегда была намного богаче. Советский Союз достиг уникальных результатов в решении сложных задач скудными ресурсами. Но объективная скудость ресурсов стала решающим недостатком в долгосрочном противостоянии сверхдержав. Ядерный пат устранил возможность прямого военного конфликта между сверхдержавами и перевёл их соперничество в социальную и экономическую сферы. Если сойтись с противником на тёмной лесной дорожке, то содержимое кошелька противников мало что решает. Если же ввязаться в длительную юридическую тяжбу, то деньги и ресурсы приобретают совсем другое значение: тяжбу можно

тянуть только до тех пор, пока есть возможность платить по счетам. Примерно то же самое произошло и в III мировой. СССР имел неплохие шансы победить в открытом военном конфликте⁶², но в длительной позиционной экономической войне шансов у него не было. Свободных ресурсов у советской экономики оставалось всё меньше, управлялись они всё хуже, оборот общественного капитала замедлялся до тех пор, пока вообще не остановился. И в мире осталась всего одна сверхдержава.

Какое будущее ждёт в этом контексте нашу страну? Процесс распада крупных империй занимает немало времени. Римская империя деградировала около 200 лет, прежде чем её западная часть была разделена между «варварскими» королевствами. Империя Чингисхана распалась в течение примерно 300 лет. Британская империя развалилась за 150 лет. Австро-Венгрия – за 100 лет. Российская империя начала терять территории во второй половине XIX века (продажа Аляски). Через 120 лет после этого развалился Советский Союз. Окончился ли на этом процесс распада или нет, зависит от способности нашего общества и государства переопределить себя таким образом, чтобы оказаться жизнеспособным образованием в условиях усиливающейся конкуренции. Центральноамериканские империи ацтеков и инков просуществовали бы, возможно, ещё несколько сотен лет, если бы не столкнулись в XVI веке с морально и технически превосходящей испанской цивилизацией. Россия могла бы и в своём ныне сложившемся состоянии комфортно загнить неограниченно долго, если бы её не окружали растущие гиганты – Евросоюз, Соединённые Штаты, Китай, мусульманский мир. Лимит времени исчерпан. Гонка на выживание началась.

62 – Что было продемонстрировано в Корее, на Кубе и во Вьетнаме.

Великое замыкание цикла воспроизводства

В чём, если он есть, смысл нынешнего мирового экономического кризиса?

С экономической точки зрения историю XX века можно рассматривать не только как перерастание капитализма в стадию социализма, но и как историю создания всемирной финансовой системы, вливание национальных циклов в единый мировой процесс общественного воспроизводства. До I мировой войны каждая колониальная держава имела свой собственный макрокосм, отгороженный от конкурентов. Страны, не имевшие колоний, не были допущены к богатой колониальной торговле. В эту непривилегированную группу входили не только Германия, Италия, Япония, но и США. Америке было объективно выгодно нападение держав оси на Антанту, и Штаты максимально долго воздерживались от участия в военных действиях – ведь каждый германский снаряд обещал пробить брешь в таможенных барьерах европейских колониальных держав.

Результаты I мировой войны оказались для США противоречивыми. С одной стороны, страна баснословно нажилась на поставках воюющим странам. С другой стороны, колониальные препятствия торговле сохранились в их довоенном состоянии.

Ситуация изменилась после II мировой войны, в которой Штаты, как и в I, также поначалу не горели желанием участвовать. Экономическое превосходство Америки над разорёнными II мировой европейскими державами позволило навязать им доллар в качестве основной мировой резервной валюты. Фиговый листок золотого стандарта некоторое время [двадцать восемь лет – с 1945 по 1973 год] прикрывал основной источник послевоенного американского богатства – эмиссию мировой валюты, но затем и он был отброшен за ненадобностью.

На руку Америке сыграла неотроцкистская политика Никиты Хрущёва в Третьем мире. Н. Хрущёв, одновременно с «возвращением ленинских норм» во внутренней политике, вернулся и к задвинутой было И. Сталиным в дальний угол троцкистской идее мировой революции, поддерживая все антиамериканские режимы. «Похоронить Америку», как обещал советский лидер с трибуны ООН, не удалось, но вот европейские колониальные державы, действительно, под двойными ударами американского и советского экспансионизма приказали

долго жить. Беда лишь в том, что воспользоваться результатами падения европейских колониальных империй смогли только американцы. СССР погряз в политиканстве, и общий итог его деятельности в Третьем мире оказался намного ниже нуля. Штаты же приобрели сильно, хотя и опасного своей непредсказуемостью, партнера в разрушении европейского могущества. Колониальные империи пали, освободив жизненное пространство для строительства глобальных американских корпораций – частных по форме, но контролируемых и направляемых государственной системой, выстроенной для ведения ядерной мировой войны.

Важную дисциплинирующую роль в формировании Западного блока стран сыграл экзистенциальный кубинский кризис. В октябре 1963 года, когда Кремль поставил мир на край ядерного самоубийства, СССР потерял авторитет ответственной мировой державы. Дальнейшие эскапады Политбюро в Чехословакии и в Афганистане только закрепили формирующийся имидж «империи зла». Развод социального прогресса и советского коммунизма состоялся.

Тем не менее вплоть до эпохи Горбачёва–Рейгана включительно США были вынуждены соотносить свои программы вооружения с действиями противоположной стороны. Каждый шаг сверхдержавы сопровождался ответными действиями другой стороны и в конечном счёте регламентировался двусторонними соглашениями о контроле над вооружениями. Таким образом, СССР де-факто являлся важным внешним регулятором кейнсианской накачки американской экономики ликвидностью посредством военных программ. Можно сказать, что Кейнс⁶³ сдерживал Нобель: идея Нобеля об абсолютном оружии как гаранте вечного мира материализовалась не в созданном им динамите, как он надеялся, а в MAD⁶⁴ – взаимно гарантированном ядерном уничтожении. Объём военных программ ограничивался военными программами другой стороны.

Существование второго полюса силы – СССР – обеспечивало относительную независимость Третьего мира, огромного лагеря неприсоединившихся развивающихся стран с автономными финансовыми сис-

63 – Дж. М. Кейнс – великий английский экономист, обосновавший необходимость роста государственных расходов для борьбы с капиталистическими циклами перепроизводства и связанными с ними экономическими кризисами.

64 – MAD – mutually assured destruction – взаимно гарантированное уничтожение (англ.), удачная игра слов: с mad – безумный.

темами, не интегрированными ни с Востоком, ни с Западом. Энергия распада «Второго мира» испарила и мир Третий. Активность Движения неприсоединения, политически объединявшего Третий мир, увяла на глазах. Осталась только атомизированная международная среда, в которой доминирует Западный блок, полностью контролируемый США.

Крушение Берлинской стены означало прорыв плотины, сдерживавшей всемирную экспансию американского доллара. Накачка мировой экономики долларами и систематическое разрушение национальных барьеров на его пути и представляют собой реальную, а не абстрактную глобализацию, то есть глобализацию системы обращения американского доллара и финансируемую этими долларами глобализацию рынков западных корпораций.

Текущий мировой финансовый кризис лишь подтвердил всемирную зависимость от состояния экономики одной-единственной страны – Соединенных Штатов Америки. Мировой экономический рост сегодня определяется тем направлением, куда идёт Америка: именно здесь сосредоточены головные офисы и мозговые центры тех компаний, которые безлично и абстрактно называют «инновационной экономикой». Именно там расположен главный мировой эмиссионный центр. Именно там планируется будущее мировой экономики.

Мысль о том, что сегодняшнее доминирование Америки есть результат стихийных рыночных сил, можно рассматривать только как неудачную шутку. Кризис 1929 года поставил жирную точку в истории классического капитализма. С этого момента развернулась ожесточённая конкуренция между несколькими великодержавными моделями централизованно планируемой экономики⁶⁵. Советские неопиты-рыночники ошибочно приняли отсутствие в США государственного планирования производства жевательной резинки или кока-колы за отсутствие централизованного планирования вообще. Они до сих пор не поняли, что западные государства делегировали права на ширпотреб обобществлённым акционерным корпорациям, координирующим свои планы с правительством или зависящим от планов и действий правительств. Если наблюдателей не сможет убедить в этом убедительная Ангела Меркель в роли «невидимой

65 – Прежде всего советской, германской и американской, хотя можно было бы вспомнить и итальянскую, и японскую модели.

руки рынка» в сделке по продаже «Опеля» Сбербанку, или Барак Обама, объясняющий по телевизору, как должна быть устроена американская экономика, сколько бензина должны потреблять автомобили и какие банки стоит спасать, а какие нет, – то нам подавно не удастся.

Повторим: эволюция посткапиталистического общества в XX веке закономерно привела к возникновению единого мирового центра планирования – «однополярного мира». Остальные претенденты на роль мирового Госплана один за другим сошли с дистанции. Сначала СССР с американской материальной помощью вышиб из конкуренции Германию. Потом США и СССР совместными усилиями уничтожили европейский потенциал лидерства, разрушив европейские колониальные империи. А потом СССР не выдержал гонки и самораспустился. Советский патерналистский госкапитализм – этот социализм для бедных – не пережил испытания благосостоянием, оказавшись неспособным удовлетворять растущие материальные потребности населения. На этом закончилась двухвековая война за передел мира – от адмирала Нельсона и Наполеона Бонапарта до Рональда Рейгана и Джорджа Буша-старшего.

Утопии и антиутопии

Возникновение глобальной иерархии политической и экономической власти – это ещё не конец истории, обещанный Фрэнсисом Фукуямой. Поддержание империи всегда дорого обходится имперскому центру. До сих пор все империи расплачивались с провинциями, вассалами и клиентами реальными и ограниченными ресурсами – будь то рабы, земли, станки, золото, нефть или газ. Социалистические Штаты Америки первыми научились расплачиваться со своими клиентами **неограниченными ресурсами** – плановой организацией и умением организовывать, безразмерными виртуальными платёжными средствами, технологией, информацией, новостями, имиджами и т.п. **Америка – первая страна в мире, сделавшая технологию своим ключевым ресурсом.** В этом и сила, и слабость Америки. Неограниченные ресурсы размножаются неограниченно, но их распространение труднее контролировать. Продавая технологию, в при-

дачу передаёшь технологический уровень. Отдавая информацию, невозможно уменьшить её количество – доступность информации постоянно растёт.

Продолжавшийся по инерции бешеный технологический прогресс XX века, вызванный гонкой вооружений сверхдержав, неизбежно стал притормаживать из-за отсутствия серьёзной межнациональной конкуренции и роста монополизма. Лаборатории становятся всё богаче, но радикальных изобретений делают всё меньше, дожигая накопленное в годы «холодной войны». Экспонента технологического прогресса постепенно перейдет в плавную кривую, асимптотически приближающуюся к удаляющемуся горизонту. В такой ситуации сохранять технологический разрыв США будет всё труднее и труднее. Корпоративные системы управления будут географически расплываться, значение филиалов будет приближаться к значению штаб-квартир. Это уже происходит и ещё усилится в результате нынешнего кризиса с его ростом экономического национализма.

Невозможность удержать контроль над информацией, возможно, поможет миру избежать реализации предельной технократической антиутопии – глобальной власти централизованной государственно-корпоративной машины, вооруженной спутниками, суперкомпьютерами и мириадами видеокамер. Однако и шансы прийти, в конце концов, к вооружённому до зубов «Сияющему граду на холме», окружённому морем фавел⁶⁶, тоже достаточно велики. Здоровая политкорректная *техноэлита* и поражённый всеми пороками от неграмотности до наркомании *техноплебс*, способный только *джойстиком*⁶⁷ шевелить. Будущее может оказаться не таким романтично-демократичным, как мечталось пророкам социального прогресса.

Теоретически развитие глобальных информационных систем способно привести к децентрализации экономических решений и к обратному перемещению важных политических и стратегических экономических решений на локальный уровень. **Но однополярную американоцентричную модель вряд ли сменит примаковско-сурковский многополярный мир великодержавного олигархата. В**

66 – Характерные для Третьего мира кварталы лачуг из подручных материалов.

67 – Joystick (Joy + Stick) – дословно «палочка удовольствий» (англ.) – манипулятор для управления каким-либо устройством или аппаратом [Википедия], обычно применяется для компьютерных игр.

нём нет объективной необходимости⁶⁸. Гораздо больше перспектив у полицентричного мира, развивающегося на платформе единой Мировой сети. Америка при этом не рухнет, как надеются многие, но её доминирование может стать не таким тотальным, как при династиях Бушей и Клинтон. Важными локальными центрами планирования в развитом мире постепенно становятся децентрализованные субъекты – компания, община, индивидуум. Однако потребность в моноцентричном глобальном планировании некоторых важнейших компонент экономики при этом не исчезает. Вопрос в том, кто и как будет планировать глобально. **В чьих интересах?**

Главный узел мировой драмы сейчас перемещается из Атлантического региона в Тихоокеанский. После прагматического союза И. Сталина и Мао, достигшего своего убедительного результата в ядерном пате в Корее, когда ни Восточный блок, ни США не смогли добиться окончательной победы, при правлении Н. Хрущёва и Л. Брежнева нарастают советско-китайские трения. В 1970-х годах при вооружённом нейтралитете Китая СССР помогает Северному Вьетнаму разгромить Америку, создав Китаю мощного в военном отношении социалистического конкурента в Юго-Восточной Азии. Победа СССР, таким образом, оказалась пирровой: она буквально бросила коммунистический Китай и капиталистическую Америку в объятия друг друга. Появилось против кого дружить. Америка бросилась разыгрывать «китайскую карту», а Китай ещё удачнее разыграл «карту американскую». Десятки тысяч китайских студентов хлынули в американские университеты, быстро становясь американскими профессорами и будущими китайскими миллионерами. В течение двадцати лет Китай высасывал из Америки не только промышленную, но и общественную технологию. В то же время китайская культура постепенно интегрировалась внутрь американской. У американского истеблишмента не должно быть претензий к Ричарду Никсону, отправленному в отставку из-за интриг внутри американских спецслужб, выразившихся в знаменитом Уотергейтском

68 – Для чего нужна пресловутая многополярность – для раздела американского богатства между «крутыми пацанами» или для найма крутых пацанов «смотрящими» по вверенным им территориям? Нужно ли это дяде Сэму? Во времена «холодной войны» обе сверхдержавы охотно шли на покупку лояльности локальных и региональных лидеров. Судьба С. Милошевича и С. Хусейна показывает, что это время, возможно, заканчивается. Претендентов на роль «мировых центров» становится проще убрать, чем содержать или нести лишние издержки из-за их «великодержавности».

скандале⁶⁹. Он проиграл Вьетнам, но выиграл Китай, сумев договориться с Председателем Мао об основах взаимовыгодных отношений США с бывшим противником в корейской войне. В результате этих договорённостей американский рынок был открыт для китайских товаров, а китайский рынок для американских инвестиций. В итоге под боком у распадающегося СССР появилась экономическая сверхдержава, которая быстро обогнала всех остальных азиатских и неазиатских «тигров», далеко оставила позади Россию и вплотную приблизилась к США по объёму производства. Спрос на ресурсы со стороны Китая ещё значительно ниже, чем спрос на ресурсы, предъявляемый западным миром, однако разрыв быстро сокращается, и в недалёком будущем Китай может стать не только главным производителем товаров на мировом рынке, но и главным потребителем всех видов материальных ресурсов.

Сама же степень взаимозависимости США и Китая достигла критического уровня. Ни одна из сторон не может нанести другой экономический ущерб без неприемлемого для себя ответного риска. Возникла экономическая ситуация, подобная стратегическому ядерному паритету. Американская и китайская экономика достигли ситуации MAD⁷⁰. Торговые войны между ними становятся неприемлемо дорогими для обеих сторон, а американский доллар – критической валютой, в поддержании которой кровно заинтересованы не только США, но и Китай.

Таким образом, сегодня Китай находится на подъёме экономики, испытывая растущую потребность в ресурсах, а США владеют практически монопольным контролем над движением практически всех основных видов ресурсов, и особенно ресурсов финансовых. Для обеспечения конкурентоспособности собственной промышленности США заинтересованы в повышении издержек производства, другими словами, в росте уровня жизни в Китае, но, с другой стороны, взрывной рост китайского потребления ресурсов может в уже вполне обозримом будущем привести мир к глобальной экономической и экологической катастрофе. Для американских глобальных планировщиков это означает экстренную необходимость интегрировать Китай в свою

69 – Слив информации об имевшем место тайном прослушивании конкурентов перед выборами был использован против Никсона с санкции высших администраторов ФБР.

70 – Mutually assured destruction – взаимно гарантированное уничтожение (англ.)

собственную систему планирования и управления. Америка объективно заинтересована в достижении максимальной эффективности производства в Китае, включая максимальное снижение потребления материальных ресурсов и энергии на единицу продукции и максимальное снижение нагрузки на окружающую среду⁷¹. До сих пор подобный уровень экономического взаимодействия был достигнут Соединёнными Штатами только с Канадой⁷².

Какова в этих условиях судьба демократии? Во время кризисов демократия входит в лобовое столкновение со свободным рынком. *Флэшбек*⁷³ 1920-х годов с неограниченным набиванием карманов, исполненный Америкой на бис в 1990-х – начале 2000-х годов, закончился биржевым крахом 2008 года. Исторические «грабли», на которые наступили ещё раз, повели себя удивительно консервативно – и мир снова оказался в кризисе, подобном 1929 году. Но теоретически в случае глобального распространения демократии в конечном итоге может возникнуть общество, где *свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех*⁷⁴. Рынку тогда **придётся** поработать на демократию. Но произойдёт это – и уже происходит – только в уже развитых странах, в которых население достаточно политически влиятельно, чтобы навязывать свои предпочтения экономически могущественной государственной системе. В менее развитых странах, а Россия входит именно в эту значительно более многочисленную группу, государственные системы зависят от рынков развитых стран больше, чем от своего собственного населения. В них пределы демократии ставятся рынком, а не наоборот, как в Западной Европе и в США.

Демократические государства не идеальны, а вполне материальны. Это не религиозные секты и не благотворительные общества. Правители демократических обществ отвечают только перед своими избирателями и не несут никакой ответственности перед гражданами других стран [*кроме граждан США. – И. А.*]. Ожидать, что западный избиратель окажется так глубоко озабочен российским общественным прогрессом, что «нам поможет», нет объективных оснований. Нет

71 – «Все что-то спасают, и мы – что-то...» – интервью И. Лавровского // Новая газета. 18.02.2009.

72 – См.: Т.В. Лавровская. Североамериканская экономическая интеграция: экономические и политические аспекты. – М.: Наука, 1987.

73 – Flashback – повтор [в кино, на ТВ] (англ.)

74 – К. Маркс. Манифест Коммунистической партии.

также оснований ожидать, что мировое развитие пойдёт вспять, мир снова фрагментируется в духе «концерта держав» XIX века, и только что сформировавшийся *Pax Americana* распадётся на многополярную конструкцию «сфер влияния».

Попробуем определить политические альтернативы в сверхдолгосрочной перспективе. Первый вопрос: **что является сверхдержавой?** Только ли это США, или США + союзники по НАТО = «Запад», или же долларовая империя, объединённая вокруг ФРС? Или же это **ВСЯ ЗЕМЛЯ – ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ КАК СВЕРХДЕРЖАВА?** Что будет с «не-Западом», с *не-сверхдержавой*? Уничтожение, колонизация – обслуживание поставок ресурсов, или втягивание, интеграция? Развитие будет носить эксклюзивный – только для избранных, или инклюзивный характер? Является ли *избранным народом* только западная ойкумена, или **избранным народом является всё человечество?**

Через две тысячи лет, уже при новой империи, снова встаёт тот же вопрос, на который Иисус Христос уже дал свой ответ – *нет ни эллина, ни иудея*. Однако и через две тысячи лет после Христа есть и эллин, и иудей, и варвар. И пропасть между ними глубока. Состоится ли второе пришествие и спасёт ли оно новую мировую империю? Мировое развитие приобретает в этом отчётливый политический и религиозный смысл.

Эта внешняя для отдельных стран, глобальная альтернатива имеет и внутреннюю ипостась. Кто должен и должен ли развивать гастарбайтера? Кто несёт ответственность и несёт ли за интеграцию мигрантов в старые общества? Интегрируется или дезинтегрируется ли общество с течением времени? Советский Союз несколько десятилетий интегрировался на основе идеи интернациональной солидарности, но потом за два-три десятилетия дезинтегрировался на этнические компоненты и его осколки продолжают дезинтегрироваться на региональные, конфессиональные, клановые и иные группировки⁷⁵.

В последние сто лет происходит жёсткий естественный отбор разных моделей интернационализма. Первая мировая война уничтожила полиэтнические феодальные империи, построенные на принципе невмешательства сюзерена во внутреннюю жизнь вассала. Советская модель объединения наций вокруг наднациональной идеи прожила не намного дольше,

75 – И. Лавровский. Странострой // Главная тема. Февраль–март 2005.

чем какая-либо из волн средневековых объединений крестоносцев. Соединённые Штаты построили полиэтничное образование по принципу «плавильного котла наций», в котором предлагается плавиться всем народам, кроме WASP⁷⁶. Однако эту модель можно признать успешной лишь частично. В США сосуществуют практически неперемешивающиеся этнические группировки, между которыми существует значительная напряжённость, некоторые из которых по численности приближаются к этническому ядру. В более широком контексте, вхождение в число американских союзников обуславливается принятием некоторого набора надэтнических ценностей, имеющего выраженную идеологическую окраску.

Ещё одной попыткой создания интернациональной модели, которая могла бы иметь глобальное значение, было возникновение Евросоюза. Однако на сегодняшний день не решён, пожалуй, самый фундаментальный вопрос развития Евросоюза – что есть Европа? Если Европа – это историко-географическое понятие, то есть совокупность наций, развивавшихся в тесной взаимосвязи и в пределах одного региона, то очевидно, что в понятие Европа надо включать Северную Африку, Ближний Восток и Россию, дела их тем самым кандидатами на включение в Евросоюз. Если же даже с включением Турции возникают серьёзные проблемы, плюс межконфессиональные трения во Франции и Германии, то становится ясно, что Европа – это понятие расово-религиозно-политическое и тогда, действительно, арабские страны, Турция и Россия в качестве кандидатов рассматриваться не могут. Но это уже совершенно другая концепция, в которой отсутствует реальный потенциал глобализма, зато есть перспективы на новое размежевание уже самих членов Евросоюза по политическим и религиозным мотивам.

Китай активно развивает свою интернациональную политику на основе деидеологизированного прагматизма и вовлечения других стран в свою зону интересов.

Конкуренция моделей интернационализма ещё далека от завершения. Можно лишь предположить, что выиграет в ней тот, кто сможет наиболее точно реализовать старый масонский принцип *E Pluribus Unum* – во множестве един. Кто сможет не раздавить индивидуальность, преследуя интересы, затрагивающие многих. До сих пор ни у кого не получалось.

76 – White Anglo-Saxon Protestant – белые англосаксы протестанты (англ.)

Конвергенция и дивергенция⁷⁷

Интересно, что классификация досоветских общественных систем западными политэкономами и марксистами в основных чертах совпадает. Расхождения начинаются при классификации социально-экономических систем XX века. Западные политэкономы верят, что несмотря на несвойственный классическому капитализму огромный рост государственной бюрократии, несмотря на выдвигание доступа к технологии на первый план в обеспечении производительности экономики, капитал до сих пор является основой мировой экономики. Незамеченной ими осталась и грандиозная социальная революция, превратившая пролетариев XIX века в нынешних «представителей среднего класса» сотовыми телефонами на джипах и в коттеджах. Эти люди готовы называть и считать себя кем угодно, хоть средним (т.е. никаким?) классом, но только не пролетариями капиталистического общества. А нынешние капиталисты спешат поскорее избавиться от вдруг приплывшей к ним собственности, растворив её в безразмерном общественном акционерном капитале, и стараются даже внешне слиться с толпой бывших пролетариев. Это что угодно, но только не старый добрый капитализм.

Советские коммунисты утверждали вслед за Марксом, что капитализм неизбежно достигнет кризиса. Произойдёт социалистическая революция. Власть захватит победивший пролетариат, который национализует экономику, и все начнут жить и работать по плану. Отсюда следовало, что если власть не захвачена победившим пролетариатом, а, скажем, получена в результате демократических выборов, и экономика не полностью национализирована, то это уже как бы и не социализм. Другими словами, советские коммунисты признавали за социализм только своё собственное представление о нём. А что будет, если не интернациональный пролетариат, а национальная буржуазия начинает планировать? Или если в экономике возникает подобие советского нэпа с централизованно планируемыми корпорациями, частными и/или государственными, но мелкий бизнес сохраняется? Это уже не социализм?

Мировая революция, о необходимости которой твердили большевики и не только большевики, в XX веке совершилась. Но так неожиданно

77 – Конвергенция – сходство черт различных видов, дивергенция – их расхождение.

и в таких удивительных формах, что ни марксисты, ни антикоммунисты её не заметили.

Маркс писал, что буржуазные, капиталистические революции столь кровавы и жестоки, поскольку в них меньшинство подчиняет себе большинство. Социалистические же революции, по его мнению, должны быть почти бескровными, поскольку большинство заставит меньшинство сдаться, по возможности не прибегая к насилию.

История XX века развивалась по прогнозам Маркса. Как и было предсказано, всемирный экономический кризис начался в богатейшей стране капиталистического мира – Соединенных Штатах Америки – в 1929 году. Причиной стало безудержное нерегулируемое накопление капитала, которое привело к гигантскому перепроизводству товаров и падению цен на всех рынках. Крах 1929 года затронул всех: советский экспорт зерна рухнул, оставив важные импортные контракты индустриализации непоплаченными и заставляя советское правительство оплачивать их всеми имеющимися ресурсами, вплоть до демпинга – конфискованного у умирающих с голода крестьян зерна и продажи картин из Эрмитажа.

А достаточно развитая к тому времени американская демократия, действительно, совершила социалистическую революцию без применения массового насилия. Введение антимонопольного законодательства ограничило возможности неконкурентного накопления частного капитала. Была создана система государственного планирования и регулирования экономики путем осуществления национальных экономических программ и регулирования финансового рынка. Меньшинство крупных капиталистов было поставлено под контроль демократического большинства без помощи товарища Маузера. В Штатах победил социализм без социалистов.

Даже коммунистические идеологи брежневской эпохи были вынуждены признавать социалистический характер западной экономики. В 1980-х годах для вуалирования реальности использовалась такая теоретическая фигура – все основные предпосылки коммунизма на Западе созданы, не хватает только *руководящей роли компартии*. К 2009 году они, наверно, с радостью бы нашли эту руководящую роль в действиях Барака Обамы.

Обратимся ещё раз к истории XX века. Гитлер убрал из геополитики старых колониальных претендентов на участие в мировой гонке Англию и Францию, потом его разгромил Сталин с помощью Рузвельта. Потом СССР и США вместе добились остатки колониальных империй

и выстроили биполярный мир. В конечном итоге одна из глобальных систем планирования оказалась явно эффективнее, и возник монополярный мир с одной сверхдержавой. Но почему мировые конфликты с появлением централизованного планирования обострились, а не затихли, как ожидали марксисты? **Потому что планирование не абстрактно – оно всегда в чьих-то интересах.** Так, большевики пришли к власти, пообещав планировать в интересах народа. Потом все свелось к планированию в интересах партийной верхушки, озабоченной лишь своим положением в мире. В чьих интересах сегодня планирует Америка?

Врастанию государства в экономику США способствовали колоссальные военные заказы 30-х годов и II мировой войны. В отличие от СССР, Штаты избежали прямой национализации оборонной промышленности, ограничившись тесным сотрудничеством между частными компаниями и правительством в «рабочем порядке». Огромную роль сыграло осуществление Манхэттенского проекта – проекта создания атомной бомбы. Руководство проектом осуществлялось смешанной группой, состоявшей из ученых и военных. Принципы, впервые разработанные для Манхэттенского проекта, были затем использованы и в гражданской промышленности. Предприятия, созданные государством при разработке атомной бомбы, были потом возмездно или безвозмездно переданы частной промышленности.

«Революция менеджеров» и отрыв управления от собственности способствовали распространению военных принципов организации и управления в гражданской промышленности США. Планирование операций, логистика, анализ ситуаций, «мозговой штурм», системный подход, впервые разработанные для войны, сегодня являются стандартными управленческими процедурами, которые проходят в школах бизнеса. Интеграции государства и экономики способствовало и перемешивание кадров. Американские военные, выйдя в отставку, получают большие привилегии при поступлении в гражданские вузы и часто продолжают успешно подниматься по служебной лестнице, но уже «на гражданке».

Современная социальная рыночная экономика – продукт «холодной войны», а не «рынка». Наличие атомного оружия предотвратило прямое военное столкновение между сверхдержавами. **Из-за невозможности добиться победы военными средствами сверхдержавы конкурировали в социальной области.** Причём социальные достиже-

ния более активно заимствовались западной стороной, а не восточной. Так на Западе появились советские ноу-хау: равноправие женщин, политкорректность, бесплатная медицина и образование, муниципальное жильё и т.д. Реальная и мнимая советская угроза использовалась Америкой для распространения своей экономической модели и расширения своего контроля над важнейшими экономическими ресурсами, где бы в мире они ни находились.

Что же построили в XX веке большевики?

Октябрьская революция не могла быть социалистической в понимании К. Маркса. По Марксу, социализм вырастает из развитого капиталистического общества, достигающего предела своего развития. Для дальнейшего развития требуется обобществление средств производства и общенациональное планирование. Национализация – не синоним обобществления. Частный капитал при капитализме обобществляется, не теряя своей частной правовой формы. Это происходит не только путём акционирования капитала, но и путём централизации и кредита и, самое главное, путём развития рыночного обмена. Частный капитал начинает обслуживать общественный оборот.

Запрет на юридически частную собственность и предпринимательство в СССР тоже не следует считать чем-то специфически социалистическим. Практика ограничения владения собственностью характерна также для докапиталистических и капиталистических экономик. Не надо забывать, что ещё в конце XIX века для открытия предприятия в США требовалось разрешение Конгресса, а в Великобритании – санкция короля (!). Невозможно производить компьютеры *Apple* без санкции корпорации *Apple*. Владение собственностью ограничивается и регламентируется всегда и повсюду. В советской системе владение собственностью превратилось в почти исключительную монополию государства. Но монополия и социализм – это не одно и то же.

Если строго следовать Марксу, то Октябрьскую революцию и последовавшие индустриализацию и коллективизацию следует признать фазами буржуазной революции, так как их результатом стало первоначальное накопление капитала и формирование классов капиталистов и пролетариев. То, что советские капиталисты носили френчи и читали краткий курс Истории ВКП (б), не должно вводить в заблуждение. Даже в Англии капиталисты не сразу оказались способны приобрести собственный экипаж. Американские отцы-основатели читали другие цитатники, но их фанатизм был ненамного менее фанатичен.

Советские госкапиталисты уничтожали традиционную крестьянскую экономику гораздо быстрее и ничуть не менее жестоко, чем это делали их братья по классу в Англии и других европейских странах.

С точки зрения организации экономика СССР представляла собой крупнейшую в мире промышленную корпорацию, сросшуюся с государством. Ни по степени государственного вмешательства в экономику, ни по уровню ее монополизации ни одна западная страна не могла сравниться с СССР⁷⁸.

В отличие от Запада, в Советском Союзе в основе системы находилась концепция полного использования производственных возможностей – отсутствие непроизводящих мощностей и безработицы. Отсутствовало то, что Янош Корнай назвал «жесткими бюджетными ограничениями»⁷⁹. Этот «сверхрациональный» подход к развитию, не ограниченному «ненужными финансовыми осложнениями», привёл к постоянному, ненасытному спросу на ресурсы и уничтожению динамических резервов в экономике. В результате и производители, и потребители были вынуждены накапливать собственные статические резервы, обслуживание которых требовало дополнительных затрат. Производственные мощности при этом эксплуатировались за гранью технических оптимальных режимов. Наиболее продуктивные и экономически эффективные гигантские месторождения выбывали из эксплуатации значительно быстрее их американских аналогов. Так, Ромашкинское месторождение в Татарстане было практически истощено за 30 лет, а Самотлор – всего за 20, в то время как фактический и расчётный срок эффективной коммерческой эксплуатации таких месторождений-аналогов как Западотехасское и Прадо-Бэй на Аляске составляет свыше 70 лет⁸⁰.

СССР был очень большой организацией. А чем больше организация, чем больше в ней организационных и информационных связей, тем длиннее процесс принятия решений и тем больше шансов на прохождение случайных ошибок, сбоев в системе. К 1990-м годам процесс принятия решений настолько замедлился, а накопленные в системе ошибки были так велики, что СССР нельзя было трогать. Он мог как-

78 – Об этом давно писали западные марксисты, см., например: Nove Alex. *Economic History of the USSR*, 1969.

79 – Kornai J. *The Economics of Shortage*. Amsterdam: North-Holland, 1980.

80 – Lavrovsky I., et al. *Oil in the Former Soviet Union: Historical Perspectives, Long-Term Outlook*. – CERl, Calgary, 1992.

то еще катиться по инерции какое-то время, но любые попытки исправления ситуации неизбежно привели бы к коллапсу управления. Именно это и случилось. Вместо ожидаемого «ускорения» экономики реформы Горбачёва привели к полному опустошению потребительского рынка, истощению золотовалютных резервов и политическому краху.

Есть своя ахиллесова пята и у свободного рынка. Главное свойство свободного рынка – стремление свести прибыль к нулю максимально быстрыми темпами. Стремясь к максимально быстрому обогащению, капиталисты занижают цены и завышают потребности в капитале. Это приводит к тому, что рыночный спрос быстро удовлетворяется, цены падают, а созданные производственные мощности обесцениваются. Всегда требуется вливание новых ресурсов для того, чтобы колеса экономики вращались. При социализме – или социализации капитализма – такой избыточный спрос всё время создает государство, покупая дорогие товары, такие как вооружение, дороги, электростанции и так далее, тем самым позволяя частной экономике существовать и получать прибыль. Разницы в этом между моделью Кейнса и нэповской моделью Ленина нет. Разница возникает между экономическими моделями Рузвельта и Сталина, и заключается она в степени монополизации. Рузвельт сохранил конкуренцию между юридическими лицами, а Сталин заменил её внутрифирменной конкуренцией в рамках единой государственной монополии. Хрущёв и Брежнев пошли ещё дальше, полностью уничтожив конкуренцию и ликвидировав остатки легального частного сектора. Но это имело отношение к антимонополистической или промонополистической политике, а не к сущности формации. Основным фактором производства и в США до 1970-х годов, и в СССР до самого его конца был именно капитал. То есть на протяжении полувека состязались внутренне различно организованные субъекты, но состязались они внутри одной и той же общественно-экономической формации. Сохранение конкуренции позволило Западу развиваться быстрее и обогнать СССР в переходе к новой формации – технократической цивилизации. После этого дни СССР были сочтены: конкуренция между обществами высшего и низшего способов производства всегда оканчивается поражением последнего.

Американская и советская модели планирования развивались параллельно. Рузвельт совершенно в духе ГОЭЛРО электрифицировал южные штаты, потом построил федеральные автодороги и, наконец, осуществил Манхэттенский проект, результатом которого стала атом-

ная бомба – убедительный символ победы американского... социализма. Социализм ведь это, прежде всего, государственное планирование. А исследования космоса, создание компьютеров, реактивной авиации, сетей телекоммуникаций было невозможно без государственного планирования, по какую бы сторону железного занавеса вы ни находились.

В отличие от СССР, американцы, чтобы что-то построить, не сносили то, что там стояло раньше. Новые государственные и частно-государственные проекты уживались с обычным неорганизованным базаром. Изгнанный из России нэп материализовался по ту сторону Атлантики. Одними из главных идеологов американского социализма стали русские ученые Василий Леонтьев и Семён Кузнец – создатели системы национальных счетов и межотраслевого баланса.

Суть социально-экономической системы определяется не членством в партии, а реальной экономикой. 70 процентов всех личных доходов в США или 56 процентов ВВП – это зарплата. Львиная доля национального богатства страны попадает в карман наемным работникам, что невозможно при хрестоматийном капитализме. Треть ВВП перераспределяется государством, которое к тому же является крупнейшим в стране работодателем и потребителем товаров и услуг. Остальная часть общественного богатства движется по каналам крупных акционерных компаний, также в значительной степени прямо или косвенно контролируемых государством. Те, в свою очередь, через сети франшиз дирижируют так называемым частным бизнесом.

Капитализм в Штатах – такая же идеологическая химера для масс, какой был «развитой социализм» в СССР. Степень централизации экономических решений в руках директоров Федеральной резервной системы США немыслима для позднего СССР. Её можно сравнить только с концентрацией власти в руках ближнего круга Иосифа Сталина, но с гораздо большими реальными возможностями.

В отличие от советской модели с её навязчивым желанием контролировать всё и вся, в американской модели государство ограничилось планированием только важнейших экономических факторов – производства и поставки вооружений, эмиссии денег, развития новой технологии, топливно-энергетического комплекса, условий сельскохозяйственного производства, общих условий труда и занятости. Американская правящая верхушка вместо мелочного контроля над производителем и потребителем сконцентрировалась на стратегических направлениях. Самое важное – финансы, потоки энергии и поставки вооружений –

она контролирует по всему миру. Глобальное планирование Америка осуществляет через эмиссию доллара, монополизацию энергетических потоков и военно-техническое сотрудничество.

Начиная с 1950-х годов на Западе, в первую очередь в США, был создан развитый и разветвлённый методический аппарат централизованного планирования и управления, включая системный анализ, огромные математические модели «затраты–выпуск», сложные методики долгосрочного прогнозирования и сетевого планирования. Весь этот инструментарий распространяется среди государственных учреждений, банков и крупных корпораций, что обеспечивает единый высокий уровень планирования и управления. В 1950–1960-х годах в СССР также велись аналогичные работы, но уровень их внедрения в реальную жизнь оказался поразительно низким. Недостаточно развитая советская экономика отторгала слишком сложные для неё принципы анализа и принятия решений. С развалом СССР исследования и разработки в области народно-хозяйственного планирования были окончательно маргинализированы, и сегодня Россия управляется примерно так же, как управлялись США до 1929 года. Узкий круг российских «рокфеллеров», «меллонов» и «тафтов» ситуативно «рулит» ситуацией, не усложняя свою жизнь сложными расчётами и методами согласования решений. Иногда это срабатывает, но чаще – нет. Череда благих инициатив российского руководства последних лет – таких как национальные проекты, программа «доступное жильё», концепция «энергетической сверхдержавы», «Концепция 2020» – не привели к серьёзному улучшению ситуации, а иногда даже её ухудшили⁸¹, во многом в силу низкого уровня проработки и выполнения решений.

На Западе планирование производства и распределения потребительских товаров делегировано частным корпорациям, которые превратились как бы в частные министерства по подгузникам, колготкам, электротоварам и т.д. Частный бизнес в Соединенных Штатах – это работа на крупную корпорацию или на государство. Все крупные корпорации в той или иной форме контролируются государством. Даже мелкий и как бы частный бизнес является, как правило, франшизой корпорации. Последней отраслью, до недавнего времени не монополизированной и не жёстко контролиру-

81 – Например, поспешное внедрение ипотеки увеличило цены на недвижимость в несколько раз и сделало жильё совершенно недоступным. Некоторые программы, такие как возобновление диспансеризации населения, превращаются в кампанию отписок, когда попасть к врачу по результатам диспансеризации становится практически невозможно.

емой государством, оставался лишь сектор финансовых инвестиций, да и то лишь до тех пор, как была выполнена поставленная планирующим центром задача долларизации всего мира. Политику накачки мировой экономики долларами Федеральная резервная система США начала именно в 1985 году, когда противоположный лагерь показал первые признаки возможного крушения. Но уже в 2004 году, ещё за четыре года до того, как мировой экономический кризис стал очевиден всем, ФРС начала жать на тормоза, постепенно повышая ставки рефинансирования.

В Советском Союзе так и не была создана система национального планирования, характерная для развитого западного социализма. До самого конца своего существования страна управлялась методами внутрифирменного планирования, а эти методы имеют свои ограничения. Корпорация не может быть равна национальной экономике. Неизбежно теряется управляемость. И она была потеряна. Госкорпорация СССР попросту обанкротилась.

Вопреки советским представлениям перестроечной поры, на Западе к 1980-м годам уже практически не осталось свободной конкуренции. Как и в СССР, внутренний рынок был защищён от нежелательной конкуренции технологическими стандартами и регулированием валютных курсов. Но, в отличие от СССР, на каждом рынке присутствовал более чем один производитель. Для возникновения стимулирующего эффекта конкуренции не обязательно иметь неограниченную конкуренцию – она максимально быстро уничтожает прибыль и возможности роста компаний. Достаточно иметь два-три конкурирующих бренда. Так и в СССР не нужно было разрушать советские министерства – эти протокорпорации⁸², достаточно было заставить их конкурировать между собой⁸³.

Америка смогла к вящей выгоде своих производителей и потребителей капитализировать свои затраты на «холодную войну», а СССР не смог. К концу советского периода энергия «Большого скачка» из традиционного общества в индустриальное была исчерпана. Запад же в 1970–1980-х годах совершил очередной формационный скачок от экономики, основанной на капитале, к экономике, основанной на технологии как доминирующем факторе производства. Россию и Запад снова, как и в начале XX века, разделяет формационный разрыв.

82 – Сейчас мало кто помнит, что корпорация РАО «Газпром» – это чудом уцелевшее бывшее Министерство газовой промышленности СССР.

83 – Лавровский И.К. К новой концепции предприятия // Проблемы теории и практики управления. 1988. №4.